

О. Л. Протасова

СИБИРЬ И СИБИРЯКИ В ИДЕЙНО-ТВОРЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ ПИСАТЕЛЕЙ-НЕОНАРОДНИКОВ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.)

doi: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-24-32

УДК 82:94(571)“18/19” ББК 83.3(253)+63.3(253)531

В статье рассматривается отношение к Сибири как к части Российской империи представителей неонародничества, известных своей политической и литературно-публицистической деятельностью. Показано, что последователи народнической идеологии конца XIX — начала XX в. четко отличали ментальные черты сибиряков от психологии основной массы выходцев из метрополии — европейской России, объясняя эту специфику условиями существования местных жителей и переселенцев, а также особенностями межэтнических и межкультурных коммуникаций, складывавшихся в Сибири на протяжении веков и способных служить примером цивилизационной встречи Востока и Запада. Обращается внимание на жанровые особенности неонароднического творчества: корректно представить их сибирские очерки как «травелог», где описательный компонент органично переплетается с проблемно-психологическим. Выявлена идейная близость неонароднической публицистики и сибирского областничества — движения, впервые заявившего о колониальном статусе Сибири и направленного на расширение ее административно-управленческой и культурной самостоятельности, то есть на ее региональную автономизацию. Делается вывод, что, признавая несовершенства имперской политики в отношении Сибири и ее населения, народнические идеологи не ставили вопрос о возможности полной независимости этой территории от государственного центра. Высоко оценивая экономико-хозяйственные и гуманитарные перспективы Сибири, они считали свершающимся фактом преодоление ею колониального статуса и рассчитывали на поступательное развитие институтов местного самоуправления как в Сибири, так и в целом в России.

Ключевые слова: *неонародничество, колонизация, менталитет, метрополия, областничество, Сибирь*

Проблематика данного исследования представляется чрезвычайно актуальной в условиях политико-культурной дихотомии «Россия — Западный мир», сложившейся далеко не сегодня, но особенно обострившейся, увы, в последнее время. Даже если не брать в расчет современных идеологических установок, направленных на дискредитацию как внешней, так и внутренней политики РФ, можно увидеть, что к тематике сосуществования населяющих Россию народов и их отношений с государством отечественные и зарубежные исследователи всегда проявляли интерес. Статус Сибири в ряду территориальных приобретений Российского государства вызывает дискуссии по сей день.

Цель настоящей статьи — выявление, обобщение и оценка взглядов на положение Сибири (де-юре и де-факто) в рамках Российской империи, на особенности сибирской колонизации и специфические ментальные черты сибиряков ряда видных ученых, писателей,

публицистов конца XIX — начала XX в., разделивших народнические идеалы.

Россия, ныне обвиняемая геополитическими соперниками в колониальных амбициях, даже во времена «классического» колониализма с доминированием в мировом пространстве крупнейших европейских держав, жестко конкурировавших друг с другом в деле захвата заморских территорий, отличалась от последних характером своей политики в отношении национальных окраин (периферии). Ее экспансия не распространялась вовне, покушаясь на суверенитет других государств, а представляла собой поступательное освоение малонаселенных земель, коренные жители которых по наивности своей зачастую и не подозревали о том, что их «колонизируют». Восточные славяне на протяжении веков находились в интенсивном этнокультурном взаимодействии с населением будущих российских колоний.¹

Знаменитое ленинское клише о царской России как «тюрьме народов»² вряд ли можно

Протасова Ольга Львовна — к.и.н., доцент кафедры «Теория и история государства и права», Тамбовский государственный технический университет (г. Тамбов)
E-mail: olia.protasowa@yandex.ru

¹ См.: Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII — начало XX в.). СПб., 2014. С. 4.

² Ленин В. И. К вопросу о национальной политике (проект речи для депутата IV Государственной Думы Г. И. Петровского) // Полное собрание сочинений: в 55 т. М., 1969. Т. 25. С. 66.

считать итогом абсолютно объективного, лишённого политической тенденциозности анализа. В то же время с ним было немало согласных, даже среди политических оппонентов большевистского вождя. Главной причиной этого являлся слишком разный уровень экономического, политико-культурного развития «метрополии» и «колоний», центра и окраин.

Как правило, в качестве метрополии рассматривались губернии Европейской России. Колониями в обиходе обычно называли земли, начинавшиеся за Уралом, — Сибирь. П. Н. Милуков назвал Сибирь «последним продуктом колониационного усилия России — и ее первой колонией».³ В середине XIX в. российская политическая мысль поставила перед собой задачу поиска оптимального государственного устройства, что предполагало определение места и роли окраин в социально-политическом организме огромной империи. В целом колонизация Сибири самими новоявленными сибирскими обитателями осознавалась по большому счету как историческая миссия «настоящей» (европейской) России. «С приобретением Сибири началось наступление на Азию европейского и русского мира»,⁴ — обобщает публицист, археолог и этнограф Н. М. Ядринцев. Влияние этой колонизации было двояким: покорение, присвоение, нередко грабеж, но и, без сомнения, стихийная положительная миссия, постепенное привитие «цивилизованных» черт местному населению (другое дело, всегда ли эти черты благотворно сказывались на духовном и физическом состоянии коренных народов). Постепенно пришлый «европейско-русский мир» полностью прижился в Сибири и стал искренне считать ее своей родиной, проникся патриотическими чувствами, обращенными не на Россию в целом, а именно на сибирскую землю со всеми ее достоинствами и бедами.

Культурно-психологическая дистанция между землями, разделенными Уральскими горами, в дореволюционной России резко бросалась в глаза любому наблюдателю. По словам Н. Е. Меднис, «оппозиция “свое — чужое” актуализировалась в сознании человека, перекававшего Уральский хребет, несмотря на то, что логически он понимал — реального рубежа здесь нет: все это... единая территория

России».⁵ Литературные источники свидетельствуют, что и сами сибиряки четко дифференцировали имперские пространства и проводили условную разделительную линию «Сибирь — Россия», однако очевидно, что в этнополитическом смысле от России сибиряки не отмежевывались. Даже для нерусского населения Сибири именно Россия с ее культурой, отношением к миру и человеку оказалась более «своей», чем любая другая страна. Пусть эта близость оказалась им навязанной, желания изменить «цивилизационный ориентир» коренные сибирские жители не изъявляли.

В последние полтора десятилетия XIX в. за дело популяризации сибирской проблематики в российском обществе взялись представители неонародничества — народничества, в 1890-е гг. стараниями Н. К. Михайловского, его единомышленников и учеников концептуально обновленного, в ходе полемики с марксистами консолидировавшегося и возвратившего себе былую популярность. Неонародники, многие из которых служили в земствах и знали жизнь села изнутри, считали крестьянство частью единого «трудового народа»;⁶ в отличие от марксистов, они не отказывали ему в потенциальной революционности⁷ и, не идеализируя, именно его полагали главным объектом своей политической заботы. Идейным центром, объединившим неонароднические силы, стал журнал «Русское богатство», публиковавший остросоциальные материалы о российских реалиях, осмысливаемых не с официальной точки зрения, а как бы «из толщи народной», с позиции обычного гражданина. По подсчетам Н. Н. Родигиной, в период с 1880 по 1904 гг. на страницах издания появилось порядка 140 статей, посвященных сибирской тематике.⁸ Добро на опубликование этих текстов давали редакторы А. И. Иванчин-Писарев, С. Н. Кривенко, В. Г. Короленко, Н. Ф. Анненский и др., хорошо знакомые с Сибирью по месту своей либо социализации, либо ссылки.⁹

⁵ Меднис Н. Е. Сибирские рассказы В. Г. Короленко в контексте русской литературы и культуры XIX века // Сибирские страницы жизни и творчества В. Г. Короленко. Новосибирск, 1987. С. 56.

⁶ В понимании неонародников, «трудовой народ», или «трудовой класс» — триединство рабочих, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции (прим. автора).

⁷ Этот пункт явился одним из принципиальных в марксистско-народнической полемике 1890-х гг. (прим. автора).

⁸ См.: Родигина Н. Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006.

⁹ См.: Там же.

³ Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. 1. С. 488.

⁴ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 2, 3.

Первыми обозначили Сибирь как российскую колонию и высказали положение о возможности ее автономии по примеру США представители сибирской научной и творческой элиты — Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, М. З. Загоскин, С. С. Шашков, Н. И. Наумов и др., упрекавшие власть в угнетении коренных народов своего родного края, хищническом отношении к его богатствам. Данное научно-интеллектуальное и просветительское движение, получившее название «областничество», зародилось в середине XIX в. и к 1870–1880-м гг. в основном завершило свое идейное оформление. С 1880-х гг. его представители регулярно публиковались в «Русском богатстве». Хотя областничество имело собственную идеологию (надо заметить, довольно эклектичную) и свои сугубо региональные программные приоритеты, его часто ассоциировали с народничеством. Тому способствовали как сходство представлений о социальной справедливости, так и дружеские узы, связывавшие многих деятелей обоих направлений.

В оценке областниками геополитической значимости Сибири можно увидеть мысли, предваряющие идеи евразийства. Так, по Н. М. Ядринцеву, в силу своего географического положения и этнического состава Сибирь представляет собой арену встречи европейской и азиатской цивилизаций, результатом чего должно явиться братство между народами. К несчастью, полагал Ядринцев, развитию Сибири очень мешает отношение к краю как к отсталой колонии, лишенной политической и общественной жизни. Этнограф отмечал, что в характере сибирского населения, выработанном десятилетиями, соединяются разнородные черты, «наложенные жизнью, природою и историческим складом»: ¹⁰ «диковатость» как «след инородческого влияния» и непривычка к исконно российским обычаям; холодная расщепленность, неподвластная чувствам (вслед за ним то же мнение о характере сибиряка высказывали и другие народнические писатели, что будет показано ниже), как следствие — отсутствие идеалов, «часто огрубелость среди лесной жизни», ¹¹ индивидуализм, явно берущий верх над общественными интересами, «развитие промышленных и своекорыстных мотивов». ¹² К ряду замечательных свойств, которых, по

мнению прогрессистов, как раз недоставало великороссам-европейцам, Ядринцев причислял энергию и любознательность, находчивость и умение ориентироваться в неожиданных ситуациях, самобытность и самостоятельность ума, ярко проявлявшуюся в поступках.

Возвращение в 1890-х гг. из сибирской ссылки плеяды писателей с активной гражданской позицией, желавших и способных в художественной форме показать лично увиденное и пережитое ими, совпало с активизацией процесса массовых крестьянских переселений из многолюдных губерний европейской России в Сибирь. Вынужденный поиск земледельцами выхода из затруднений, вызванных спецификой развития российского аграрного капитализма, давал Сибири ранее не виданный ею человеческий ресурс и возможность его дальнейшего роста, открывал новые хозяйственные, социальные, культурные перспективы и, вместе с тем, вызовы. Так, Г. Н. Потанин указывал, что сибирское крестьянство чувствовало свою ущемленность при встрече с колонистами из европейской России. Разница в культуре, противопоставление интересов старожилов и пришлых людей, нередкие вследствие этого столкновения — и в результате ощущение местным населением «жизни на стороне, на отбросе» русского мира. ¹³

Среди литераторов-неонародников немало неординарных авторов, чье творческое наследие, недооцененное в свое время или незаслуженно забытое впоследствии, привлекает к себе внимание искренностью, обаянием и при этом социальной остротой. Одна из таких замечательных фигур — П. Ф. Якубович (литературный псевдоним — Мельшин, 1850–1911), поэт и прозаик, человек драматической судьбы (он несколько лет провел в Акатуевской каторжной тюрьме, затем на поселении). Характеры героев Якубовича разнообразны, лишены свойственного литературе невысокого качества деления на хороших и плохих. Даже в закоренелых злодеях-каторжниках Иван Николаевич, от лица которого ведется повествование, способен найти привлекательные черты, он старается объяснить изломы психики своих героев развращающим влиянием внешних обстоятельств.

Типы сибиряков в произведении П. Ф. Якубовича «В мире отверженных». По утверждению героя Якубовича (а поскольку произведение

¹⁰ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. М., 2021. С. 127.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Потанин Г. Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1907. С. 10.

автобиографическое, то и самого автора), на красоту и величие сибирской природы он впервые обратил внимание, лишь оказавшись в Забайкалье, когда после многомесячного следования по этапу вместе с группой политических ссыльных оказался в одиночестве среди уголовной партии. Лишенный интеллектуального общения, он жестоко тосковал и поневоле был вынужден заняться созерцанием новых мест. Его особенно поразил Байкал — «грозно-зеленое, клокочущее и скачущее чудовище».¹⁴ Потрясали и масштабы расстояний. Впрочем, картин описаний природы у Якубовича довольно мало — люди интересуют его гораздо больше.

Противопоставление «Россия-метрополия — Сибирь-колония» встречается у него при описании характеров сокамерников его героя — псковича Малахова и сибиряка Гончарова: «Это были натуры противоположные во всех смыслах... именно той противоположностью, в какой вообще находится Сибирь и ее метрополия»,¹⁵ — размышляет герой Якубовича. Малахов получил некоторый внешний лоск и умел при желании проявлять утонченность обхождения, причем без раболепства; Гончаров был грубоват и неотесан и не думал этого скрывать. Малахов «интересовался науками» и всегда норовил высказать собственное мнение, чаще всего совершенно дикое; это был «настоящий тип вандейца, закоренелого в... предрассудках», натура донельзя страстная и увлекающаяся. Гончаров «был ум чисто практический, мало интересовался отвлеченными умозрениями». Он не без лукавства заявлял: «... что мы такое? Долбешки, пни таежные — ничего больше! И в головах у нас есор [мусор — *О. П.*] один!»¹⁶ Гончаров первым засыпал, когда читались произведения классиков литературы, горячо волновавшие всех обитателей их камеры, зато отлично ориентировался в каждом житейском вопросе, моментально «схватывая быка за рога». Остряязычный сибиряк выступал в камере в качестве отца-командира: поучал молодых, снисходительно выслушивал старших, сочно рассказывал о своих приключениях (не забывая при этом иногда приврать), наставлял, резонерствовал, но имел врожденное чувство такта, ценил дружбу и нежно любил маленьких детей. При этом в его «статейном списке» значилось не

менее десятка загубленных душ. «Он был, конечно, зверь, но и зверь оставляет порой о себе добрую память»,¹⁷ — говорит герой Мельшина.

Автор отмечает, что уроженцев Сибири (на каторге это были преимущественно выходцы из крестьянского сословия) называли «челдонами» или «желторотыми челдонами». Нередко они были объектами острот и насмешек, иногда добродушных, но чаще злых, отдающих возмущением, в каковое приводил «расейских» характер, отличающий сибиряка в глазах представителя «метрополии». Герой Якубовича признает: «чем-то черствым, бездушно-трезвым и эгоистичным веет от того сибирского типа, который рисуется в рассказах арестантов»,¹⁸ приводивших многочисленные примеры бессердечной, доходящей до сладострастия жестокости «челдонов». Практичность и трезвость взглядов сибиряка, «полное отсутствие поэзии в его душе»,¹⁹ хитрость и умение сдерживаться сразу бросались в глаза российскому человеку. Но при этом обращали на себя внимание черты, приближающие сибиряка к западноевропейскому типу: «...ум его менее засорен отжившими традициями и предрассудками, более способен к развитию и восприятию новых идей и ценностей, отличается большей независимостью и свободолюбием».²⁰ Сибирский крестьянин не знал крепостного права, никогда не страдал от малоземелья и связанных с этими явлениями нищеты и несправедливости; поэтому в сибиряке не было «забитости и раболепия перед властями, какими так неприятно поражает коренная Русь»,²¹ — заключает Якубович.

«Дичь еловая», «туесы простокишные, колыванские», «пермяк — соленые уши», «лисица сибирская» — все это характеристики, даваемые уроженцами разных российских местностей друг другу. Примером того, какие на российских окраинах растут, «как пни в лесу», «первобытно-простые умы», служит Шемелин, умиливший героя в споре по поводу прямых и косвенных налогов. В камере как-то вышел разговор о сборах в пользу государства, ложившихся тяжким бременем на народ. В ответ на приводимые спорщиками цифры и факты Шемелин не вытерпел и возразил, что таких сумм, что, по их словам, взимается с крестьянина за год,

¹⁴ Якубович П. Ф. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника: в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 49.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 153.

¹⁷ Там же. С. 162.

¹⁸ Там же. С. 157.

¹⁹ Там же. С. 158.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

он не видел за всю жизнь. В их краях жили натуральным хозяйством, сами ткали, сами делали спички, сами гнали водку, табака не курили, а чай и сахар он впервые попробовал, лишь оказавшись в каторге.²² На таких людей, считал Якубович, цивилизация (особенно в той форме, какая была им доступна) оказывает скорее вредоносное, развращающее действие, чем положительный эффект.

И еще одно интересное наблюдение делает герой Мельшина: простолюдины (а именно они составляли почти все население каторги) были абсолютно лишены религиозной и тем более расовой нетерпимости: «Вот народ, про который действительно можно сказать, что для него не существует ни эллина, ни иудея, и который знает лишь две породы людей — угнетателей и угнетенных».²³ Ругательства, которыми щедро осыпает друг друга «кобылка» (сибирское название каторжной среды): «цыганская образина», «чухна проклятая», «татарская лопатка», «польская» или «хохлацкая морда» и т. п. — не несут в себе предубеждения против нации как таковой, подчас они даже вполне добродушны и являют собой лишь результат пристрастия русского человека к крепким словам. Слово «жид» каторжникам не приходило в голову употреблять в адрес образованного человека из евреев, которого они искренне уважали и даже любили, из чего автор делает вывод, что антисемитизм и юдофобство — «явления чисто культурные, создаваемые известного рода воспитанием и книжной пропагандой».²⁴ Отношение к понятию «русский» у простого человека, особенно из глухой местности, было тоже весьма своеобразно: что это такое, толком объяснить он не мог и, скорее всего, словом «русский» обозначал всех представителей необразованного люда.²⁵ Отсутствие в народной среде «квасного патриотизма» радовало Якубовича.

В книге показано, как сибиряки гордятся своей землей и страстно отстаивают ее преимущество перед «Расеей», которой, с ее «ровными местами, пашнями да лесочками» никак не устоять перед опасной красотой «палов» — весенних травяных пожаров, многоцветьем цветочных ковров, богатством живности.²⁶

«Колониальная» тематика в творчестве С. Я. Елпатьевского. Сергей Яковлевич Ел-

патьевский (1854–1933) был по своим взглядам близок П. Ф. Якубовичу; они вместе долгие годы входили в состав редакции «Русского богатства». С Сибирью Елпатьевский тоже был знаком не понаслышке: он несколько лет провёл в ссылке в Енисейской губернии, работал врачом, самоотверженно боролся с эпидемиями, проводил научные исследования и именно там всерьез занялся литературой. «Сибирские рассказы», вышедшие из-под его пера, были впервые опубликованы в 1893 г., вызвали большой интерес читателей и получили высокую оценку Н. М. Ядринцева. К «колониальной» тематике С. Я. Елпатьевский обращался и в дальнейшем. В цикле воспоминаний «В Сибири» он передал свои впечатления об этом крае, его жителях и их отношении к подавляющему своей огромностью пространству: «Люди жмутся к проходному, к проезжему месту, к реке, к тракту и словно боятся податься вглубь, врезаться в тайгу, уйти от насиженного, обжитого места».²⁷ И сибирские слова точно определяют эти взаимоотношения человека и природы: вместо «умер» говорили «пропал», «потерялся», что могло относиться как к человеку, так и к животному. «Не пропадают, не теряются в борьбе с суровой природой люди сильные, бесстрашные, с крепкими мускулами, с крепкой волей»,²⁸ — убежден Елпатьевский.

Автору бросалось в глаза практически полное отсутствие музыки, музыкальности: «Редко приходилось слышать пение. И если пели, то все старинные русские песни, полузабытые в России».²⁹ Подлинно сибирские песни все были плодом творчества каторги, тюрьмы, бродяг — иных собственных песен Сибирь не сложила. Прозаический нрав сибиряка проявлялся и в равнодушии к красоте, искусству, художественности, а также к религии и всякого рода благотворительности: сибирякам не свойственна жалость к «потерявшимся», ведь стихия их жизни — естественный отбор. Отсутствие семейных традиций, воспоминаний автор объясняет молодостью русско-сибирской «цивилизации». Весьма радовала сибиряков удаленность от «начальства»: она поддерживала в них ощущение независимости и свободы, точнее, «воли».

²² Там же. С. 292.

²³ Там же. Т. 2. С. 193.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 194.

²⁶ См.: Там же. С. 345, 346.

²⁷ Елпатьевский С. Я. В Сибири. URL: http://az.lib.ru/e/elpatxewskij_s_j/text_1926_v_sibiri.shtml (дата обращения: 24.02.2023).

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

На сибирских просторах испокон веков сталкивались и перемешивались народы, «шла великая нивелировка, стирались взаимно острые углы — национальные, религиозные»,³⁰ — отмечал народник. Он подчеркивал, что сибирякам совершенно чужд антисемитизм. Понятия о красоте своеобразны: в некоторых местностях белокурые русские уже не нравятся, а нравятся «карымы» — помесь, «смешница». Пришлое население очень быстро осибирячивалось и утрачивало национальные черты, однако быстрее всего это происходило с великороссами, способными чуть ли не в первом поколении ассимилироваться вплоть до забвения русского языка. Елпатьевский не дает своей оценки, хорошо это или плохо, однако критики России и всего русского, в частности западники, наверняка расценили бы эту особенность, если бы признали ее наличие, как дефицит национальной самодостаточности.

Брачными и внебрачными отношениями русские новоселы смешивались с сибирскими инородцами, шел тот же процесс ассимиляции, взаимной диффузии, обмена верованиями, манерами жизни, бытом. Русские, когда хворали, звали сибирских шаманов, а тунгусы и остяки, выходя из тайги в русское село, шли в церковь ставить свечку Николе — кажется, единственному русскому Богу, которого они признавали.³¹ Вместе с тем изменялся антропологический тип сибирского русского населения: по мнению Елпатьевского, сибиряка нетрудно было отличить от представителя коренной России. Самобытен и духовный облик сибиряка, который, в отличие от физического типа, успел уже сложиться определенно и ярко. Сибиряк менее сложен, чем русский, считает Елпатьевский, он цельнее. Ему несвойственно «духовное кочевничество», которое раздражало западников и привлекало славянофилов: он практичен, целеустремлен, абсолютно лишен мечтательности и не сердобобен. «Ему чужды Онегины и Обломовы, ... ему ближе однотонный Базаров, устремленный Инсаров»,³² — отмечает Елпатьевский.

Разноплеменная, многоконфессиональная сибирская среда для него однородна, она своя, областная, *сибирская*. Сибиряк не по-русски

молится и не по-русски ругается: отвратительные похабные ругательства, по наблюдению Елпатьевского, «не перешагнули за Урал», и их, оказавшись в Сибири, быстро перестает употреблять арестант, каторжник, ссыльный.³³

«Сибиряк глубоко демократичен и не очень верноподданный»,³⁴ — заключает народник. Эти качества он сам, как и все, кто разделял социалистические идеи, ценил весьма высоко: сибиряку, не знавшему дворянства и не привыкшему употреблять слово «барин», не надо было тратить время и силы на то, чтобы «по капле выдавливать из себя раба».

Елпатьевский убежден: Сибирь — не окраина, она давно перестала быть и колонией, при этом осознав себя отдельным, обособленным коллективом. Поэтому областничество справедливо получило полное признание в Сибири. Народник уверяет, что, когда сибиряк покорит свою ощетилившуюся, бунтующую природу, у него наконец появится досуг, а вместе с тем придет и тяга к красоте, художественности; тогда Сибирь даст своих больших поэтов и художников. Сибирский характер будет олицетворять новую великую Россию, служа «дополнением и поправкой к старой коренной России».³⁵ Таким образом, программа автономизации Сибири, намеченная его товарищами — областниками, встречала у Елпатьевского безусловную поддержку.

С оценкой С. Я. Елпатьевского созвучно мнение Н. Ф. Анненского о перспективах Сибири и патриотизме ее обитателей. Возможность превратить Сибирь в территорию, где господствует не произвол сильных мира сего, а закон, Анненский видел в развитии там сети профессиональных учебных заведений юридической направленности, куда должен быть открыт широкий доступ местной молодежи. Народник отмечал «энергию и настойчивость, с которыми массы сибирской молодежи стучатся в двери высшей школы», чтобы затем вернуться в родные места «для служения своей далекой и суровой родине».³⁶ Что касается

³⁰ Там же.

³¹ Примечательно, что подтверждение этому наблюдению содержится в романе В. Я. Шишкова «Угрюм-река», где в одной из колоритных сцен священник упорно, но совершенно безуспешно пытается разъяснить тунгусам, что такое Бог (см.: Шишков В. Я. Угрюм-река: в 2 т. Т. 1. С. 403, 404).

³² Елпатьевский С. Я. Указ. соч.

³³ С этим наблюдением не согласен П. Ф. Якубович. Он пишет: «Нигде не слышал я такой гнусной, такой отвратительной, звероподобной брани, какую впервые услышал в Сибири от арестантов, солдат и свободных жителей — ямщиков. Неизвестно, кто у кого позаимствовал... Ни от одного мужика в России ничего подобного не слышал я... в Сибири ругань эта доходит до виртуозности своего рода, до самых тонких оттенков и самой реальной пластики...» (Якубович П. Ф. В мире отверженных. Т. 1. С. 39, 40).

³⁴ Елпатьевский С. Я. Указ. соч.

³⁵ Там же.

³⁶ Анненский Н. Ф. Хроника внутренней жизни. Судебная реформа в Сибири // Русское богатство. 1896. № 6. С. 169.

коренных сибирских этносов, то Анненский, как и большинство его соратников по идеологии, не считали благом до обретения ими гражданской зрелости дать им полный суверенитет и поставить таким образом в положение человека, которого бросают в воду с целью научить плавать: «...если предоставить каким-нибудь чукчам всецело заботу об их... развитии, от этого проиграют и чукчи, и все государство, в состав которого они входят».³⁷ Данное высказывание не унижало национального достоинства народов Сибири и Севера, а подчеркивало необходимость его воспитания.

Много общего в восприятии Сибири у вышеупомянутых авторов и знаменитого писателя-народника В. Г. Короленко, с которым их связывала многолетняя дружба. В молодости Короленко несколько лет провел в сибирской ссылке, и итогом знакомства писателя с суровым краем стал цикл рассказов и очерков.³⁸ В отличие от Елпатьевского, подавленного мрачной суровостью сибирской природы, Короленко по мере привыкания к расстояниям и безлюдью Сибири начинает воспринимать ее все более «своей»: она «приучает видеть и в убийце человека».³⁹ Народник назвал Сибирь «настоящим складочным местом российской драмы» и советовал молодым драматургам «проехать по этому скорбному тракту»,⁴⁰ богатому сюжетами о самых невероятных судьбах. Не только «отчаянные люди» — приискатели, каторжники и пр. — были предметом живого внимания и сочувствия Короленко, но и коренное население российских окраин. Писатель замечает в отношении местных аборигенов (якутов) к пришлым — поселенцам, беглым каторжникам и т. п. — много здравого смысла. «Якуты... народ очень добродушный, и во многих улусах принято... оказывать ново-прибывшим поселенцам довольно существенную помощь», без которой практически любой чужак либо умрет от голода и холода, либо будет вынужден приняться за разбой. Правда, эта помощь, как правило, подразумевает под собой «дорожное пособие» — якуты не хотят, чтобы неудобный сосед обосновался рядом с ними. Однако тем, кто серьезно принимается за честную работу, они помогают встать на

ноги,⁴¹ — сообщает писатель. В любом народе, даже самом малоразвитом и притесняемом, он находил «живую душу», даровитость и способность многое внести в общечеловеческую культуру. Истинному патриоту должен быть чужд национализм, считал Короленко.

Тесно связаны с Сибирью были жизнь и творчество многих народнических литераторов: С. Н. Кривенко, Н. И. Наумова, Н. М. Астырева, В. Г. Богораза-Тана и др. Современное определение «травелог», укоренившееся в литературоведении со второй половины XX в., в целом, на наш взгляд, вполне применимо и к творчеству неонароднических публицистов, для которых просторы Сибири были огромным и захватывающим полем путешествий, вне зависимости от того, были эти странствия добровольными или вынужденными. Идеологической составляющей, несмотря на большую общественную активность этих авторов, в их произведениях очень немного. Акцент делается на гуманистическом начале: люди, характеры, судьбы, сама Сибирь с собственным лицом и организмом — все выписано чрезвычайно живо, ярко, натуралистично, понятно широкому читателю. К слову, последние два качества особенно высоко ценились народниками в творчестве: поскольку их произведения предназначались широкой, в первую очередь «простой» публике, то безыскусственность и, как сейчас говорят, читабельность были неперенными свойствами их произведений, а, обращаясь к народу, вводить его в заблуждение, приукрашивая действительность, в понимании народников, убежденных приверженцев реализма, было нечестно. Естественное, ненавязчивое культуртрегерство ученых-областников и неонароднических публицистов, вовлеченных в связанные с Сибирью социально значимые процессы и умеющих душевно передать их драматизм, безусловно, сыграло роль в росте интереса к сибирской тематике у равнодушных к общественным проблемам читателей.

Многолетняя идейно-политическая и человеческая близость неонародничества и сибирского областничества нашла отражение не только в литературно-публицистической сфере, но и в их политической практике. После Февральской революции 1917 г., получив возможность воплотить в жизнь свою программу, областники в поисках союзников сблизались с неонародническими партиями — народными социа-

³⁷ Цит. по: Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: человек и эпоха. М., 2004. С. 126.

³⁸ См.: Короленко В. Г. Сибирские рассказы и очерки. М., 1987.

³⁹ Там же. С. 157.

⁴⁰ Там же. С. 5.

⁴¹ См.: Там же. С. 157.

листами и социалистами-революционерами,⁴² разделявшими, как и они сами, идеалы демократического федерализма, индивидуальной свободы, общественного самоуправления. Эти принципы областники планировали заложить в основание культурной и политической автономии сибирской периферии⁴³ и, вместе с народниками, новой России в целом.

Хотя Всероссийское Учредительное собрание не сумело помочь областникам в продвижении и легализации автономистских проектов, в самом главном относительно Сибири их чаяния, пожалуй, оправдались. На настоящий момент эта российская территория полностью

утратила свой даже неформальный «полуколониальный» статус. Стратегическое значение Сибири в общегосударственном масштабе огромно и общепризнано; уровень жизни сибиряков вряд ли даст серьезное основание рассуждать об их дискриминации в пользу жителей европейской части страны. Культурная же автономия, за которую боролись как наиболее просвещенные выходцы из сибирских национальных меньшинств, так и русские прогрессисты, ими давно получена, а ныне не просто уважаема, но и охраняема, что является одним из магистральных направлений государственной политики.

Olgai L. Protasova

Candidate of Historical Sciences, Tambov State Technical University (Russia, Tambov)

E-mail: *olia.protasowa@yandex.ru*

SIBERIA AND THE SIBERIANS IN IDEOLOGICAL AND CREATIVE INTERPRETATION OF THE NEO-NARODNIK WRITERS (LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURY)

The article examines the attitude of the neo-populism representatives, known for their political, literary and journalistic activities, to Siberia as part of the Russian Empire. It is shown that the followers of the populist ideology of the late 19th — early 20th centuries clearly distinguished the Siberians' mental traits from the psychology of the majority of natives from the metropolis — European Russia, explaining this specificity by the conditions of existence of local residents and migrants, as well as the peculiarities of interethnic and intercultural communications that have been developing in Siberia for centuries and can serve as an example of a civilizational meeting of East and West. Attention is drawn to the genre features of the neo-narodnik creativity: it is correct to present their Siberian essays as a “travelogue”, where the descriptive component is organically intertwined with the problem-psychological. The author reveals ideological closeness of the neo-narodnik journalism and Siberian regionalism (*oblastnichestvo*), a movement that first declared of Siberia's colonial status and aimed at expanding its administrative, managerial and cultural independence, that is, its regional autonomy. It is concluded that, recognizing the imperfections of the imperial policy towards Siberia and its population, populist ideologists did not raise the question of the possibility of complete independence of this territory from the state center. Highly appreciating the economic and humanitarian prospects of Siberia, they considered a fait accompli its overcoming the colonial status and counted on the progressive development of local self-government institutions both in Siberia and in Russia as a whole.

Keywords: *neo-narodnik, colonization, mentality, metropolis, regionalism, Siberia*

REFERENCES

- Golovinov A. V. [Values of Democratic Federalism in the Political Concept of Siberian Regionalists]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Regionovedeniye* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies], 2012, no. 1 (8), pp. 152–158. (in Russ.).
- Mednis N. E. [Siberian Stories by V. G. Korolenko in the Context of Russian Literature and Culture of the 19th Century]. *Sibirskiye stranitsy zhizni i tvorchestva V. G. Korolenko* [Siberian Pages of Life and Creativity of V. G. Korolenko]. Novosibirsk: Nauka, SO Publ., 1987, pp. 54–63. (in Russ.).

⁴² См.: Всероссийское Учредительное собрание: энциклопедия. М., 2014. С. 279, 280.

⁴³ См.: Головинов А. В. Ценности демократического федерализма в политической концепции сибирских областников // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Регионоведение. 2012. № 1 (8). С. 157.

Milyukov P. N. *Ocherki po istorii russkoy kul'tury. V 2 t.* [Essays on the History of Russian culture. In 2 vols.]. Moscow: Progress Publ., 1993, vol. 1. (in Russ.).

Protasova O. L. *A. V. Peshekhonov: Chelovek i epokha* [A. V. Peshekhonov: Man and Era]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. (in Russ.).

Rodigina N. N. *Obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX — nachala XX vv.: dokt. diss.* [The Image of Siberia in the Russian Magazine Press of the Second Half of the 19th — early 20th Centuries: Diss. Doc.]. Novosibirsk, 2006. (in Russ.).

Sibir' v kontekste russkoy modeli kolonizatsii (XVII — nachalo XX v.) [Siberia in the Context of the Russian Model of Colonization (17th — early 20th Century)]. Saint Petersburg: MAE RAN Publ., 2014. (in Russ.).

Vserossiyskoye Uchreditel'noye sobraniye: Entsiklopediya [All-Russian Constituent Assembly: An Encyclopedia]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2014. (in Russ.).

Для цитирования: Протасова О. Л. Сибирь и сибиряки в идейно-творческом осмыслении писателей-неонародников (конец XIX — начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2023. № 4 (81). С. 24–32. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-24-32.

For citation: Protasova O. L. Siberia and the Siberians in Ideological and Creative Interpretation of the Neo-Narodnik Writers (Late 19th — Early 20th Century) // Ural Historical Journal, 2023, no. 4 (81), pp. 24–32. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-24-32.